

Тимиргазиева Алина Ирнисовна

ОСОБЕННОСТИ ОТНОШЕНИЯ К РЕПАТРИАНТАМ В СИСТЕМЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В 1950-Е ГОДЫ (НА МАТЕРИАЛАХ БАШКИРСКОЙ АССР)

В статье рассматриваются отдельные аспекты организации работы по подготовке кадров в высшей школе послевоенного периода. На примере Башкирской АССР приводятся конкретные факты подхода государственно-партийных органов к приему в высшие учебные заведения репатриантов. В контексте отношения к репатриантам в системе высшего образования вскрываются характерные особенности сложившейся системы государственного устройства.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2014/4-1/48.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 4 (42): в 2-х ч. Ч. I. С. 176-179. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2014/4-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 94(470.57)

Исторические науки и археология

В статье рассматриваются отдельные аспекты организации работы по подготовке кадров в высшей школе послевоенного периода. На примере Башкирской АССР приводятся конкретные факты подхода государственно-партийных органов к приему в высшие учебные заведения репатриантов. В контексте отношения к репатриантам в системе высшего образования вскрываются характерные особенности сложившейся системы государственного устройства.

Ключевые слова и фразы: репатрианты; высшие учебные заведения; система высшего образования; студенты; абитуриенты; научные кадры.

Тимиргазиева Алина Ирнисовна, к.и.н.

*Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы
kliotim@yandex.ru*

ОСОБЕННОСТИ ОТНОШЕНИЯ К РЕПАТРИАНТАМ В СИСТЕМЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В 1950-Е ГОДЫ (НА МАТЕРИАЛАХ БАШКИРСКОЙ АССР)[©]

После победы над гитлеровской Германией советским государством проводилась сложная и трудная работа по репатриации (возвращению на Родину) советских граждан, угнанных фашистскими оккупантами. Нужно было выявить их местонахождение и помочь вернуться домой. Несколько миллионов соотечественников, которые во время войны по чужой или по своей воле оставались за пределами страны, теперь возвращались обратно. Вопрос об общей численности советского гражданского населения, угнанного в Германию и другие страны в годы войны, до сих пор остается дискуссионным. Немецкие источники определяют эту цифру в 2,8 млн человек. Однако, по мнению авторов коллективной монографии «Население России в XX веке», ближе к истине данные Чрезвычайной государственной комиссии по установлению злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников. По подсчетам ЧГК, оккупанты угнали на чужбину 4,258 млн советских граждан. В марте 1946 года Центральное управление по делам репатриации СССР оценило общее количество советских граждан, оказавшихся за пределами СССР в годы войны, в 6,8 млн чел. (гражданские лица и военнопленные), из которых к концу войны осталось в живых около 5 млн чел. Однако и эти расчеты приблизительны [5, т. 2, л. 145]. Вопрос о возвращении на Родину советских военнопленных и беженцев является одним из наименее изученных в исторической литературе. Вплоть до конца 1980-х годов документация по этому вопросу в нашей стране была засекречена.

В настоящее время исследователи, наконец, получили доступ к ранее закрытым источникам: документации образованного в октябре 1944 г. Управления Уполномоченного Совета Народных Комиссаров (Совета Министров) СССР по делам репатриации (это ведомство возглавлял генерал-полковник Ф. И. Голиков, бывший руководитель советской военной разведки) [4, с. 3]. По данным Управления уполномоченного СНК СССР по репатриации на 1 февраля 1946 года в Советский Союз с территории Германии и других государств было репатрировано всего 5,2 млн человек, из них 1,8 млн бывших военнопленных и 3,4 млн гражданского населения.

По свидетельству российского историка, исследователя политических репрессий в СССР В. Н. Земскова, основная масса советских военнопленных и интернированных гражданских лиц желала возвращения на Родину и оставалась просоветски настроенной. В дни, когда бушевало пламя войны, освобожденные из фашистской неволи советские граждане, ожидая в транзитных лагерях отправки в СССР, стремились помочь родному государству тем, что было в их силах. Об этом свидетельствовала массовая кампания по сбору валюты и ценностей в фонд обороны Родины, проведенная по инициативе самих репатриантов. В январемарте 1945 года в Италии только в одном лагере (лагерь «Святого Андрея») советские граждане собрали 206 тыс. лир. Во Франции в фонд обороны Родины поступило от советских перемещенных лиц добровольных пожертвований в размере 3 982 246 франков [Там же, с. 4-5].

Хотя интернированные подвергались усиленной идеологической обработке со стороны геббельсовской и власовской пропаганды, эффект от этого был весьма слабый. Им не удалось привить чувство ненависти к большевикам и их союзникам — англо-американским «плутократам». В их среде с удовлетворением воспринимались известия о победах Красной Армии и англо-американских войск. Этим людям, конечно, беспочвенно верилось в то, что в случае возвращения в СССР у них могут быть неприятности по фактам расследования жизни и деятельности за границей, обстоятельств сдачи в плен и т.д., но больше всего их волновала совсем другая проблема: зная о негативном и подозрительном отношении правящих кругов СССР к «иностранщине» и к людям, побывавшим в ней, они опасались, что Советское правительство не разрешит им вернуться на Родину. Большинство советских перемещенных лиц боялось не того, что им не разрешат остаться на Западе, а того, что им не разрешат вернуться в Советский Союз.

В докладной записке сотрудников торгпредства А. Синяка и М. Пашинина от 19 сентября 1944 г. на имя и.о. торгпреда СССР в Великобритании П. И. Соловьева говорилось: «Будучи в командировке во Франции с 13-го по 17-ое сентября 1944 г., мы были свидетелями большого передвижения по дорогам Франции у Вердена русских людей, угнанных немцами в разное время из СССР. Эта процессия движущихся полузамученных людей

в одиночку и группами, мужчин, женщин, детей и стариков представляет исключительно жалкую картину. Полуодетые, в лохмотьях, босые, в случайных головных уборах, до цилиндров включительно, без знания французского языка и Франции — движутся вереницы недавних немецких рабов, а сейчас фактически нищих людей, по направлению к Верденскому лагерю для русских... Из разговоров с отдельными группами людей установлено, что все они направляются американскими властями в город Верден, где для их приема организован специальный лагерь... Однако ни одного русского представителя нет ни в лагере, ни по дорогам... Зная об этом, американские солдаты и офицеры, а также французы задают довольно недвусмысленные вопросы о том, что мы (русские) предполагаем делать со своими людьми, почему нет наших представителей здесь и т.д. А сами пострадавшие, узнав, что мы русские, со слезами радости на глазах спрашивают: «Выз комиссии приехали, чтобы увезти нас домой?» [Цит. по: Там же, с. 4].

Опасения находившихся за пределами СССР советских граждан, что Советское правительство может не разрешить им вернуться на Родину, оказались напрасными. Советский Союз, понесший огромные людские потери, был остро заинтересован в возвращении перемещенных лиц [Там же, с. 5]. Главной целью послевоенной репатриации было предотвращение образования за рубежом второй эмиграции, которая могла представлять угрозу сталинскому режиму, а также обеспечение народного хозяйства Советского Союза рабочей силой. Поэтому репатриантов направляли в отдаленные от государственной границы и промышленно развитые регионы страны, в которых ощущался острый дефицит трудовых ресурсов [3, с. 179]. Значительное количество репатриантов в составе рабочих батальонов было направлено в Башкирскую АССР.

Все репатрианты, независимо от того, принадлежали они к военнопленным или гражданскому населению, должны были пройти проверочно-фильтрационный лагерь, где в основном решалась их судьба. Несмотря на заявления официальных инстанций о том, что «основная масса советских людей, находившихся в немецком рабстве, осталась верна Советской Родине», отношение к репатриантам, особенно местных властей, было негативным и почти всегда подозрительным [8, д. 542, л. 168].

Еще в ходе войны многие бойцы, бежавшие из плена, именовались «лицами, не внушающими доверия», «политически неблагонадежными» или «сомнительными в идеологическом отношении». 16 августа 1941 г. был подписан приказ № 270, в котором говорилось, что командиры и политработники, сдавшиеся в плен, считаются дезертирами, а их семьи подлежат аресту; семьи сдавшихся в плен красноармейцев лишались государственной помощи и пособий [7, с. 63].

После окончания войны, в условиях усиления тоталитарных тенденций и культа личности началась массовая проверка людей, освобожденных из плена. Кроме этого, ставились под особый контроль люди, находившиеся на территории фашистской оккупации или имеющие родственников-немцев. Всех их ожидали суровые испытания: недоверие, допросы, часто заканчивавшиеся заключением в лагерь. Те, кто оставался на свободе, испытывали трудности с трудоустройством, пропиской, получением жилья и образования. В анкеты была введена специальная графа, в которой все граждане должны были указать, были ли они или их близкие родственники в плену или на оккупированной территории.

Такое отношение соответствующим образом сказывалось на настроениях репатриантов. Неясный правовой статус репатриированных рождал у них сомнения в будущих профессиональных перспективах. В большинстве своем репатриантами являлись молодые люди, и в их среде наиболее часто звучали вопросы: «Правда ли, что мы будем работать под конвоем?» и «Будут ли нас принимать в учебные заведения?»

Высшая школа отражала общегосударственную тенденцию недоверия к так называемым «политически неблагонадежным лицам». Проблема «очищения» от них системы образования постоянно поднималась на партийных пленумах и конференциях. Если представить обобщенный социальный портрет лица, внушающего «политическое доверие», то это был идеологически подкованный в духе идей марксизма-ленинизма и Коммунистической партии атеист; желательн член ВКП(б) или ВЛКСМ; не пребывавший ни в плену, ни на оккупированной территории, ни в окружении в годы Великой Отечественной войны; не имеющий репрессированных родственников и, разумеется, сам не подвергавшийся репрессиям. Государству нужны были люди, которые адекватны по своим социокультурным характеристикам данной общественной системе. Руководители понимали, что какие бы амбициозные цели и задачи по восстановлению страны ими ни ставились, реализовывать их будут в первую очередь люди. Для этого требовались не только грамотные, высококвалифицированные кадры, но и «политически благонадежные».

Высшие политические органы (Съезд Советов, правительства — общесоюзные и республиканские) взаимодействовали с областными, городскими и районными комитетами партии, передавая требования и инструкции, касающиеся кадровой политики. Взаимодействие было систематическим и слаженным. Партийные органы давали указания ректорам вузов и деканам факультетов о необходимости выявления студентов, бывших в плену или окружении, живших в зоне фашистской оккупации и так далее.

Приемные комиссии вузов обязаны были проводить работу по обнаружению абитуриентов, имеющих компрометирующие их биографические данные. Например, в 1950 году три выявленных комиссией абитуриента, бывших в плену, так и не стали студентами Башкирского государственного педагогического института [8, д. 542, л. 168]. По поводу некоторых студентов дирекция, секретарь партбюро Башкирского государственного педагогического института отправляли объяснительные записки на имя секретаря Башкирского обкома — почему и на каком основании принят тот или иной студент. Факты биографии отдельных студентов вскрывались и вменялись им в вину, они становились персонами «нон грата» или «лицами, не внушающими политического доверия».

В объяснительной записке директор Башкирского государственного педагогического института Г. Т. Валиев и секретарь партбюро М. Д. Маслов, отвечая на запрос обкома о фактах «засоренности» контингента

студентов, сообщает следующее: «1) В. В. Микерин, 1919 года рождения. При поступлении в институт в 1946 г. скрыл свое пребывание в плену. Окончил факультет иностранных языков. Выявлен 25 января 1950 года. 2) И. Т. Исмагилов, 1920 года рождения, был у немцев в плену и т.д.».

Министр просвещения С. Алибаев также сообщает 28 июня 1950 года в докладной записке секретарю Башкирского обкома Г. Ф. Шафикову о том, что «в БГПИ данному вопросу не придается должное значение, в результате чего состав студентов не только не очищается от таких элементов, но даже продолжается его засорение. Вот почему ежегодно при распределении выпускников комиссия обнаруживает лиц, бывших в плену и других лиц, не внушающих доверия, которые были в свое время без всякого стеснения приняты директором института тов. Валиевым на учебу. Среди этих лиц встречаются даже специалисты в области истории, литературы и так далее» [Там же, д. 541, л. 44].

С. Алибаевым приводятся примеры: «1) Г. Г. Честерфильд в период войны находилась на оккупированной немцами территории и до сих пор неизвестно, чем она занималась и по какой причине она эвакуировалась в Башкирию после окончания войны. 2) Выпускник исторического факультета Л. С. Герасимов — бывший военнопленный. Среди выпускников прошлых лет встречались даже уроженцы Германии, родственники которых репрессированы нашими органами. В аспирантуру был принят человек, бежавший с фронта, отказавшийся служить в Советской армии» [9, д. 337, л. 22]. «Несмотря на все это, Г. Т. Валиев продолжает принимать лиц, пребывавших в плену, и других, не внушающих доверия лиц, засоряет состав студентов, не делая никаких выводов из решения обкома ВКП(б) по этому вопросу» [8, д. 541, л. 170].

Концентрация внимания на данном аспекте работы по подготовке кадров была обусловлена тем, что им в будущем «доверялась» важная миссия — в рамках научного творчества или преподавания доказывать преимущества социалистической системы. Для партийных органов являлось особенно важным, чтобы эту миссию осуществляли надежные и проверенные в политических отношениях кадры. Следует отметить, что кадры из выдвинутых становились самыми активными исполнителями политических и социальных программ, разрабатывавшихся властью для скорейшего построения социалистического общества [6, с. 15].

Организация обстоятельной, кропотливой работы с кадрами должна была решать не только задачи заполнения вакансий в системе образования высококвалифицированными специалистами. Она имела также и политическую цель — создание и укрепление социальной опоры власти в центре и регионах. Признаком компетентного, талантливого руководителя определялось умение оценивать людей с точки зрения их соответствия партийным требованиям, отбирать наиболее подходящих, расставлять их «в нужное время по нужным местам» [1, с. 142].

Государственная власть четко задавала идеологические ориентиры, определяла противника, расставляла оценки, что хорошо и что плохо — в качестве априорных истин провозглашалось деление всех индивидов на передовых людей рабочего класса и чуждых, лишних. Эти постулаты и принципы закладывались в основу всех подходов, в том числе при приеме абитуриентов [10, д. 36, л. 108].

Постоянное давление и критика государственных и партийных органов приводили к тому, что система контроля за данным направлением становилась с каждым годом все более четкой и отлаженной. Система ставила целью изолировать репатрированных, исключив для них возможность получения высшего образования. Это объяснялось не только общим недоверием ко всем, кто на какое-то время вышел из-под контроля советской идеологической машины, но и опасениями властей, что люди, побывавшие на Западе или на территории немецкой оккупации, могут стать для своих соотечественников источником непрофильтрованной информации, а получившие образование — вдвойне. Один из районных начальников, делаясь опытом изолирования репатриантов, говорил: «Мы им тут контрреволюцию разводить не даем, сразу всех мобилизуем и отправляем на плоты, на сплав леса» [2, с. 474].

Вообще, следует отметить, что в традициях русской армии было гуманное отношение к своим военнослужащим, оказавшимся во вражеском плену. Иным стал подход к бывшим пленным в условиях тоталитарного режима. Он видел в лице репатриантов реальную угрозу системе и пытался всеми средствами, в том числе устраняя людей от обучения в высшей школе, изолировать от общества всех, кто побывал по ту сторону государственной границы. Несомненно и то, что подобное «государственное» недоверие к своим гражданам становилось анахронизмом.

Список литературы

1. **Бизюкова И. В.** Кадры управления: подбор и оценка. М.: Экономика, 1998. 150 с.
2. **Боханов А. Н., Горин М. М., Дмитренко В. П.** История России. XX век. М.: АСТ, 1996. 608 с.
3. **Вертилецкая Е. В., Мотревич В. П.** Репатрианты в Свердловской области в 1945-1947 гг. // Страницы истории России и Урала. 2004. С. 179-193.
4. **Земсков В. Н.** Репатриация советских граждан и их дальнейшая судьба (1944-1956 гг.) // Социологические исследования. 1995. № 5. С. 3-13.
5. **Население России в XX веке: исторические очерки:** колл. моногр.: в 3-х т. 1940-1959. М., 2001.
6. **Новосельцева Т. И.** Выдвиженчество в кадровой политике советского государства в 1920-30-е годы (на материалах Смоленской области): дисс. ... канд. ист. наук. Брянск, 2004. 190 с.
7. **Советский Союз в годы Великой Отечественной войны. 1941-1945 гг. Тыл. Оккупация. Сопротивление:** пакет-комплект документов «История». М.: Издательство акционерного общества «Бюро денди», 1993.
8. **Центральный государственный архив общественных объединений Республики Башкортостан (ЦГАОО РБ).** Ф. 122. Оп. 30.
9. **ЦГАОО РБ.** Ф. 122. Оп. 32.
10. **Центральный исторический архив Республики Башкортостан (ЦГИА РБ).** Ф. Р-95. Оп. 1.

FEATURES OF ATTITUDE TOWARDS REPATRIATES IN SYSTEM OF HIGHER EDUCATION IN THE 1950S (BY MATERIALS OF THE BASHKIR ASSR)

Timirgaziya Alina Irnisovna, Ph. D. in History
M. Akmullah Bashkir State Pedagogical University
kliotim@yandex.ru

In the article some aspects of the work organization on training specialists in the higher school of the postwar period are considered. By the example of the Bashkir ASSR the concrete facts of the state and party bodies' approach towards repatriates' enrolment in higher education establishments are given. The characteristics of the formed state structure system are revealed in the context of attitude towards repatriates in the system of higher education.

Key words and phrases: repatriates; higher education establishments; system of higher education; students; university entrants; scientific brainpower.

УДК 94(47).084.9

Исторические науки и археология

В статье рассматривается система управления в сфере государственной молодежной политики в постсоветский период. Показано влияние системных изменений в государстве и обществе на создание и деятельность органов по делам молодежи на всех уровнях. Автором раскрываются функции, особенности, структура управления в молодежной сфере. Выявлены проблемы, повлиявшие на эффективность системы управления, направленной на решение социально-экономических проблем и вопросов в молодежной среде в исследуемый период.

Ключевые слова и фразы: государственная молодежная политика; молодежь; нормативные правовые акты; органы по делам молодежи; управление.

Ткаченко Виктор Викторович, к.и.н., доцент
*Департамент государственной политики в сфере общего образования
Министерства образования и науки Российской Федерации*
Tkachenko_V_530@mail.ru

СИСТЕМА УПРАВЛЕНИЯ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ[©]

Молодежная политика на каждом этапе российской истории имела свои особенности в системе управления, содержании и направлениях деятельности, нормативном правовом обеспечении, подготовке кадров. В СССР ВЛКСМ являлся проводником единой политики на государственном уровне по работе с молодежью. Система управления в комсомоле отличалась устойчивостью, стабильностью, четкой организацией и взаимодействием всех элементов. В условиях социально-экономических и политических изменений, происходящих в стране, в апреле 1991 г. был принят первый нормативный правовой акт, определяющий общие начала государственной молодежной политики, – Закон СССР № 2114-1 «Об общих началах государственной молодежной политики в СССР», а в июле создан Государственный комитет РСФСР по молодежной политике (председатель – А. В. Шаронов).

В связи с распадом СССР, когда произошел отказ от советской концепции молодежной политики, органы государственной власти вынуждены были разрабатывать новые подходы к решению молодежных проблем с учетом системных изменений в государстве и обществе. С 1992 г. на федеральном уровне начинает складываться новая система управления государственной молодежной политикой. В отличие от системы управления в комсомоле, в течение 1992-2013 годов ведомственная принадлежность, руководство, структура, численность и кадровый состав федерального органа исполнительной власти по вопросам молодежной политики постоянно менялись.

В целях социальной поддержки молодежи в январе 1992 г. учреждена должность полномочного представителя Правительства Российской Федерации по делам молодежи, представителем назначен А. В. Шаронов. Для обеспечения его деятельности в структуре Аппарата Правительства Российской Федерации образован рабочий аппарат в количестве 14 единиц. Главам субъектов Российской Федерации рекомендовано создать органы управления по делам молодежи в составе администрации региона [4].

Кроме этого, в сентябре 1992 г. осуществление целостной государственной молодежной политики в России было признано одним из приоритетных направлений социально-экономической политики государства [3]. Создан Комитет по делам молодежи при Правительстве Российской Федерации (председатель – А. В. Шаронов), который впоследствии реорганизован в Комитет Российской Федерации по делам молодежи – центральный орган федеральной исполнительной власти, осуществляющий государственное регулирование и межотраслевую